ЕВА ЭЙЗЕН

ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК

18+

Ева Эйзен

Все было не так

«Автор»
2026

Эйзен Е.

Все было не так / Е. Эйзен — «Автор», 2026

Она была слишком наивной и молодой, и верила, что первый выбор - самый правильный и верный. В какую ловушку можно попасть, если верить этому убеждению? И что будет, если человек, которому ты доверила свою жизнь, окажется тем, от кого придется бежать, спасая самое дорогое?Это история о том, как однажды приходится признать: все было не так, как ты себе представляла.

© Эйзен Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Чистый лист 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ева Эйзен
Все было не так

Пролог

Самый страшный звук в мире – не крик, не удар кулаком о стену и даже не звон разбитой посуды. Самый страшный звук – это мягкий щелчок входного замка, за которым следует тишина.

Она стояла посреди темной прихожей, прижимая к себе четырехлетнюю дочь так крепко, что сквозь тонкую ткань детской пижамы чувствовала, как бешено колотится маленькое сердечко. Девочка сонно сопела ей в плечо, еще не понимая, почему мама разбудила ее посреди ночи, натянула куртку прямо поверх пижамных штанишек и зажала ладонью рот, когда та хотела спросить, куда они идут.

В кармане ее заношенного пуховика лежали паспорт, дешевый смартфон с паутиной трещин по экрану и три тысячи рублей. Эти купюры она откладывала из сдачи с продуктов и из редких денег, которые свекровь совала ей «на внучку», и прятала под стелькой старого зимнего сапога. Три тысячи были только наличными на дорогу; остальное лежало на банковской карте, зашитой в подкладку пуховика. Больше не было ни сумки с вещами, ни сменной обуви, ни любимого плюшевого зайца дочери. Если бы она задержалась в комнате еще на минуту, чтобы собрать рюкзак, они бы не вышли.

В глубине коридора, за приоткрытой дверью дальней комнаты, тяжело заворочался и хрипло всхрапнул мужчина.

Она замерла, перестав дышать. Холодный пот пополз по спине между лопатками. Одна половина ее мозга кричала: «Беги, хватайся за ручку, дергай дверь!». Другая – та самая, искалеченная тремя с половиной годами страха и внушенной вины, – шептала: «Он проснется, и шанса уйти больше не будет никогда».

Спустя пять минут она уже сидела на заднем сиденье старого, заранее заказанного такси, пропахшего дешевым освежителем «морской бриз» и въевшимся табаком. Машина подпрыгивала на ночных ухабах, увозя их прочь от трехэтажного панельного дома с облезлой штукатуркой.

Она обернулась к заднему стеклу. Третий этаж, третье окно справа – темное. Он все еще спал. Но когда он проснется, откроет глаза и увидит пустую комнату и полупустой шкаф… Внутри все сжалось от ледяного ужаса. Он будет в ярости, потому что не любит проигрывать. А быть чудовищем он выучился на ней.

Слез не было: за эти годы они высохли до дна. Она вспомнила тот самый первый раз, когда он поднял на нее руку. Тогда она рыдала всю ночь, а наутро он стоял перед ней на коленях, целовал ее холодные пальцы и плакал сам – неуклюже, по-детски, с таким искренним ужасом от содеянного, что она поверила: он не хотел, он просто сорвался и умрет без нее.

Теперь она знала: каждый его срыв был ступенькой. С каждым разом его удары становились точнее, слова – ядовитее, а раскаяние – все более отрепетированным. Она была для него полигоном. Первой, на ком он отточил искусство ломать человека. Теперь он был готов к другим.

Почти пять лет назад, под бой курантов, она загадала встретить свою судьбу. Какой же она была наивной дурой! Она думала, что «судьба» – это сказка со счастливым концом. Она не знала, что иногда судьба – это смертельный экзамен, на котором единственная награда – остаться в живых.

Глава 1. Чистый лист

В восемнадцать лет мир кажется огромным, сияющим, исполненным бесконечных возможностей и, самое главное, абсолютно безопасным. Особенно если ты выросла в тихой, заштатной провинциальной семье, где самым громким скандалом считалась случайно разбитая фарфоровая чашка, а самым страшным словом – «двойка» в школьном дневнике. Это был маленький мир, зажатый между пыльными тополями и тусклыми фонарями, где жизнь текла размеренно и предсказуемо, словно застоявшаяся вода в речном затоне.

Ее мать работала учительницей русского языка и литературы в местной общеобразовательной школе – вечно уставшая, осунувшаяся женщина в строгих старомодных кардиганах, которая даже дома, за полночь, продолжала проверять кипы ученических тетрадей при тусклом свете настольной лампы. Ее глаза всегда были обведены тенями от хронического недосыпа, а руки пахли типографской краской и дешевым мелом. Отец же появлялся дома эпизодически, словно призрачный гость: он уезжал на заработки «на севера», исчезая на долгие полгода, а затем возвращался с огромными клетчатыми сумками, пропахшими морозом, сырой нефтью и чужой, тяжелой усталостью в заскорузлых руках. Он привозил редкие деликатесы, пачку купюр и странное молчание, висевшее над семейным столом. Младшая сестра, перешедшая в девятый класс, жила в своем собственном, бурлящем подростковом мирке, без конца трещала по старому кнопочному телефону с подружками и грезила о заветном новом смартфоне и модных кроссовках, совершенно не замечая ни маминой седины, ни тихой тоски старшей сестры.

В этой тихой, удушливо-правильной гавани девочка росла невероятно тихой, скромной и болезненно застенчивой. В выпускном классе ее изнурительная робость стала настоящим проклятием. Одноклассники, жестокие в своей юношеской прямоте, часто дразнили ее за старомодную одежду, застенчивую манеру прятать глаза в пол и полное неумение огрызаться в ответ на едкие шпильки. Она привыкла улыбаться через силу, даже когда в груди все сжималось от обиды, и всегда уступать, даже когда точно знала, что права.

Одиночество стало ее естественной, привычной средой обитания. У нее не было близких подруг, с которыми можно было бы секретничать на переменах, девичьих ночевок с обсуждением парней, или той теплой школьной суеты, которой жили остальные подростки. Ее мир ограничивался школьной партой, домашними тетрадями, вечерними курсами при библиотеке, где ее учили набирать тексты вслепую, и бесконечными внутренними монологами. В это одиночество она вкладывала не просто отсутствие романтических отношений – это был абсолютный, звенящий вакуум любого дружеского участия, глубокое непонимание окружающих и тяжелое чувство собственной ненужности.

И вот наступило тридцать первое декабря. В их тесной, пропахшей мандаринами и зажаренной курицей гостиной горела старая елка, украшенная еще советскими стеклянными игрушками. Когда стрелки часов сошлись на двенадцати и грянул торжественный бой кремлевских курантов, она крепко-крепко зажмурила глаза, сжав в дрожащих ладонях хрупкий бокал с детским газированным шампанским, и отчаянно, всем сердцем прошептала про себя заветные слова: «Пусть в этом феврале придет тот, кто полюбит меня по-настоящему».

Она свято, фанатично верила в предопределенность судьбы. В ее наивном сознании, сформированном на зачитанных до дыр романах и мелодрамах, жила непоколебимая картина: у каждого человека на этой земле есть своя вторая половинка, предначертанная свыше. Она верила, что если ты будешь кроткой, доброй, терпеливой и правильной девочкой, то высшие силы обязательно заметят твои старания и вознаградят долгожданной, чистой, сказочной любовью. Ей казалось, что любовь – это награда за хорошее поведение.

Февраль пролетел быстро, оставив после себя лишь серую слякоть, сугробы грязного снега у обочин и тяжелый стресс от школьных пробных экзаменов. Ничего не произошло.

Никакой таинственный незнакомец не появился на пороге ее дома, жизнь продолжалась в том же унылом, монотонном ключе. Но календарь перевернулся, и наступил март.

В один из вечеров, когда она сидела за учебниками, экран ее старого, потрепанного сенсорного телефона внезапно коротко вспыхнул. Пришло входящее уведомление из социальной сети от совершенно незнакомого пользователя:

«Привет… Напиши мне»

Существует особая категория людей, словно выращенных в инкубаторах избыточного воспитания и чувства вины. Это те, кто панически боится проявить неучтивость, кто вздрагивает от мысли, что может кого-то обидеть своей холодностью или невнимательностью, и всегда старается угодить окружающим даже в ущерб собственному внутреннему комфорту. Наша героиня принадлежала к числу именно таких людей. Как можно было оставить чье-то обращение без ответа? Разве это не проявление вопиющего, дикого невежества? Даже если сообщение выглядело странным и пустым, ее воспитанное нутро требовало отреагировать.

Ее неуверенные, чуть дрожащие пальцы на экране набросали ответ на эту глупую реплику, лишенную какого-либо конкретного смысла:

«Привет. А что будет, если я не отвечу?»

Тогда, в ее затуманенных романтических иллюзиями мечтах, ей искренне казалось, что это короткое, случайное сообщение и есть то самое долгожданное новогоднее чудо, просто слегка запоздавшее в пути из-за капризов судьбы.

Ответ пришел лишь на следующие сутки, заставив ее сердце пропустить удар:

«Тогда… мы с тобой… никогда… не познакомимся!»

Уже много позже, пройдя через круги ада и научившись разбираться в людской психологии, она горько усмехалась, вспоминая этот эпизод. Ни один психически стабильный, адекватный человек в здравом уме не станет ставить троеточия после каждого слова, искусственно создавая паузы там, где их нет, и дешево пытаясь изобразить в своем нарциссическом сознании этакого загадочного, глубокого меланхолика. Но в свои восемнадцать лет она обладала настолько слепой, избыточной добротой и снисходительностью к чужим странностям, что списала это на индивидуальный стиль. Жизнь приготовила ей жесткий урок, наглядно показав, что на искренней наивности и безотказности всегда охотно пляшут черти.

Их виртуальная переписка затянулась на долгих, мучительных восемь месяцев. Она сама, собственными руками, воздвигла вокруг этого виртуального образа сказочный замок. Задолго до первой реальной встречи она в мыслях назначила его своим единственным будущим мужем, выискивая в каждой дежурной смайлике и сухой фразе неопровержимые знаки свыше.

Факты складывались в ее голове в безупречную мозаику:

Он старше ее на целых восемь лет – значит, он взрослый, сформировавшийся, солидный мужчина, твердо стоящий на ногах.

У него есть стабильная работа – следовательно, он надежный, ответственный кормилец.

Он живет вместе с престарелой матерью, трогательно заботится о ней после ранней смерти отца – абсолютное, стопроцентное свидетельство его доброты, высокой нравственности и семейственности.

Ей и в голову не могло прийти заглянуть за этот фасад. Она не задумывалась о том, почему взрослый двадцатишестилетний мужчина до сих пор находится под маминым крылом и почему ни одна нормальная женщина до нее не задержалась рядом с ним надолго. Он же только начинал свой путь тирана, методично прощупывая почву, выискивая податливую, чистую жертву, на которой можно будет оттачивать свои манипуляции. И в ее лице он нашел идеальный полигон.

Однажды вечером, когда их переписка перешла на уровень псевдоинтимных откровений, он задал вопрос, заставивший юное девичье сердце забиться в исступленном ритме:

«Слушай… можно… личный вопрос? Ты… с кем-нибудь… встречалась? У тебя… был кто-то?»

Ее щеки мгновенно вспыхнули ярким, пожарным румянцем, хотя холодный экран телефона физически не мог зафиксировать этого смущения. Преодолевая стыд, она честно напечатала: «Нет».

Ответ прилетел со скоростью молнии, словно он сидевший по ту сторону экрана хищник ждал именно этой заветной фразы:

«Серьезно? Ты… не шутишь?»

«Не шучу».

«Боже… Ты… даже не представляешь… как это редко… сейчас… Я столько встречал… и все какие-то… использованные. А ты… настоящая».

Внутри нее в этот момент странно смешались мучительная неловкость и сладкое, опьяняющее упоение. Никогда в жизни, ни один мальчик в школе не хвалил ее за то, чего у нее не было. Напротив, ровесники часто насмехались над ее излишней правильностью, называли недотрогой или откровенно злились, наталкиваясь на барьеры. А этот взрослый, опытный мужчина возносил ее нетронутость, ее чистоту на недосягаемый пьедестал, заставляя чувствовать себя избранной.

Эта тема – ее чистота – стала его любимым коньком. Он возвращался к ней снова и снова, упоительно смакуя каждую деталь:

«Я не хочу… чтобы ты сравнивала… меня… с кем-то… Я… хочу… чтобы у тебя был… только я… с первого дня».

Она таяла от этих строк, словно весенний снег под лучами солнца. Ей виделось в этом небывалое благородство, глубокая романтика и какое-то болезненно-трепетное отношение к ней. Юношеский максимализм напрочь отключал критическое мышление: она была абсолютно неспособна понять, что понятия «беречь» и «тотально контролировать» для таких людей – абсолютные синонимы. Ему нужна была не живая девушка со своим характером, мнением и личными границами, а та самая девственная, податливая пустота, чистый холст, на котором он сможет вымещать всю свою скрытую злость и самоутверждаться за ее счет, будучи уверенным в ее полной беззащитности.

Свои актуальные фотографии он показывать упорно отказывался, ссылаясь на суеверия или отсутствие нормальной камеры, пересылая лишь редкие, размытые снимки пятилетней давности, где он выглядел худощавым и симпатичным молодым человеком. Но внешние данные давно потеряли для нее всякое значение – она была убеждена, что главное в человеке это духовное родство.

Их очная встреча состоялась холодной, промозглой декабрьской ночью, после восьми месяцев виртуального плена. Он опоздал на свидание почти на сорок минут. Пока она зябко переминалась с ноги на ногу у заснеженного фонаря на пустынной улице, наблюдая за падением крупных, тяжелых хлопьев снега, этот вечер казался ей сценой из романтического фильма. Разве мог случайный, ненужный человек появиться в ее судьбе в такую сказочную погоду? Разумеется, нет. Это знак.

К тротуару со скрежетом подкатила старая, потрепанная иномарка с тусклыми фарами. Дверь со скрипом отворилась, и наружу выбрался мужчина. Реальность больно ударила по глазам: он оказался значительно ниже ростом, чем она представляла по описаниям, и неприятно плотным, с явно наметившимся рыхлым животом, который нелепо обтягивал дешевый трикотажный свитер. Поверх свитера болталась расстегнутая настежь куртка, а длинный шерстяной шарф был закинут концами назад за спину. Совсем не такого принца рисовало ее воображение. Но она тут же мысленно отвесила себе пощечину за поверхностность: «Разве можно судить человека по внешности? Главное – его душа и как сильно он меня любит».

Он подошел вплотную и уставился на нее с таким лихорадочным, жадным восторгом, будто перед ним стояло неземное создание.

– Ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты тогда ответила мне, – выдохнул он хриплым, низким голосом.

До этого вечера ни один мужчина не смотрел на нее с таким сосредоточенным, всепоглощающим вниманием. Это опьяняло и лишало воли.

Они немного погуляли по заснеженному парку, а когда он усадил ее в машину у ее дома, то внезапно, без предупреждения, резко притянул к себе и впился в губы жестким, требовательным поцелуем. Его тяжелые руки мгновенно сжали ее плечи с такой ненормальной силой, что стало больно. Инстинктивно испугавшись, она слегка оттолкнула его грудь.

– Подожди… Пожалуйста, я не готова к этому.

Его лицо на мгновение исказилось. В тусклом свете панельки в глубине его зрачков мелькнул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.